





РАМАЗАН ШАЙХУЛОВ

# БЕЛЫЕ СТЕПИ



МОСКВА  
2024

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ш17

Редактор серии *К. Буянова*  
Оформление серии *Я. Клыга*

**Шайхулов, Рамазан Нурисламович.**

Ш17 Белые степи: роман / Рамазан Шайхулов. — Москва :  
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-191102-7

Начало XX века. Юная Зухра, воспитанная отцом в почитании Бога, уважении старших и защите слабых, выходит замуж за соседского парня Шакира, которого полюбила еще в детстве.

Робкое, чистое счастье молодой семьи сначала пытается разрушить еще один друг их детских игр, Ахат, безответно влюбленный в Зухру, а потом Гражданская война, в результате которой Шакир пропадает без вести.

Зухру ждет голод, предательства и потери близких, слом прежних убеждений, репрессии и Великая Отечественная война.

Но до конца своих дней она хранит веру в Белые Степи — место, где живут только счастливые люди... Место, где не бывает войн, вражды и ссор, а только любовь, принятие и справедливость.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191102-7

© Шайхулов Р.Н., 2024  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2024

## Связанные общей памятью

Чем дальше уносимся мы от детства, юности, тем явственнее приходит осознание того, что нельзя позволить, чтобы окончательно уснула наша дремлющая историческая память. Мы не имеем права не помнить наших предков, ибо наследуем присущие им свойства. Воскрешую эту память понесем мы, ныне живущие, через всю свою жизнь, как свечу, как звезду путеводную, бережно передавая детям и внукам. Тогда только, связанные общей памятью, поколения не позволят деструктивным силам зла и тьмы принудить нас сойти с праведного пути, завещанного нашими предками. Ну а где же та нить, что свяжет поколения, где та нить, на которую нанижутся бисеринки каждой отдельной жизни, создавая неподражаемый и неповторимый узор с характерными только для этой деревни, этого города, этого народа узорами? Вот она, эта крепкая нить — новый роман Рамазана Шайхулова «Белые степи». Повествование о своей семье, о башкирском народе сохранит на века блестяще выписанные портреты земляков автора, о героизме простых людей, которые вовсе не считали свои трудовые будни каким-либо подвигом. Каждое событие происходит в своей географической точке и в свое определённое время.

Русский философ и писатель Пётр Чаадаев писал:

«Всякий народ несет в самом себе то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную

жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества; это образующее начало есть элемент географический; вся наша история — продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел».

В удел башкирам досталась благодатная земля, раскинувшаяся на Уральских отрогах: здесь и синие горы, и бурлящие реки, и покосы в живописных долинах, и леса, и степи...

Рамазан Шайхулов — художник, поэтому и видит красоту своего края сквозь призму своего искушённого взгляда. Он чувствует свою землю душой и сердцем. *«После обильных осенних дождей, насквозь пропитавших черную благодатную землю на радость хлеборобам Мырзакая, с пришедшими с севера холодами выпал белый-белый снег, укрыв землю надежным покрывалом. Не промёрзла до звона земля, пропиталась живительной влагой, значит, на следующий год жди хороших всходов, а там уже дай, Аллах, хорошего лета для доброго урожая».* Так может написать только человек, который знает природу своего края, человек, который этот урожай и выращивал, и убирал, человек, который может передать это на холсте, как делал много раз.

Мне давно была известна история семьи Рамазана Шайхулова. Не раз он делился со мной короткими, а иногда и продолжительными рассказами о своей деревне, о семье, будто уже выстраивал для себя это удивительное полотно времени. Конечно, такой живой материал просился на бумагу. Это было не только моё мнение... И, я ждал...

И вот передо мной роман. Оторваться от чтения трудно, поскольку то, о чем пишет автор, касается каждого из нас. У каждой семьи есть своя неповторимая история, но всегда можно найти какие-то схожие черты.

Поразительно точно выписаны персонажи с точки зрения психологических метаморфоз, происходящих с односельчанами Зухры, бабушки автора, в гражданскую войну, когда человек, вдруг обретший власть, влезал в другую шкуру, становился жестоким, деспотичным человеком, способным на самые безжалостные поступки даже по отношению к друзьям детства. Этот раскол общества на красных и белых, на

правых и неправых, когда у каждого правда была своя; выписан с такой хирургической точностью, что ты — веришь! Это великое свойство писателя — заставить читателя верить, заставить сопереживать, внедряясь в ткань повествования настолько глубоко, что кажется, ты сам находишься там, на улочке, у забора, во дворе Зухры...

Густая, подробная живопись Рамазана Шайхулова включает в себя портреты и пейзажи, многочисленные детали времени и пространства, речевые партитуры, содержит мгновенные соображения и долгие раздумья. Здесь ситуации и конфликты, отразившие духовное состояние человека, эпохи, мужские и женские характеры. И всё зиждется на живом материале истории семьи, истории народа. *«Между тем остывающее летнее солнце, последними закатными лучами подрумянив вершину горы Караульной, ушло за горизонт, и постепенно на западе небо окрашивалось в тревожные оттенки багряного. Весь купол неба, еще подсвеченный закатившимся солнцем, был исполосован рваными хаотичными облаками. Какие-то из них угрюмые и тёмно-фиолетовые, и совсем, как аккорды нервной тревоги, там и сям горели оранжевым мелкие барашки мелочи. Они своими неровными неорганизованными рядами добавляли нотки страха и так отчаянно ищущим неожиданную пропажу».* Как поэтично и мастерски выписана картина тревоги. И таких мест в романе множество.

Во второй части романа меня также поразили образ матери Рамазана Сафии. Здесь она под именем Салимы. Я знал её: спокойная, рассудительная, излучающая мудрость, доброту, она до последних дней заботилась о своих детях, внуках и правнуках. Никакой озлобленности, несмотря на выпавшие тяжелейшие испытания в такое сложное время.

Но самое главное в романе — это отношение к истории — не назидательное, не внушаемое известными приёмами, не навязчивое, а описанное просто, через историю семьи. Автор не на чьей правоте не настаивает, ни чью сторону не принимает, так как страдали одинаково все. Две части романа — первая про Зухру, вторая про Салиму, полностью охватывают всю историю страны, начиная с дореволюцион-

ной России и заканчивая постперестроечными событиями. И все эти события описаны не как хроника, не как факты из истории, а через сопереживание судьбам, поступкам главных и второстепенных героев, через происходившее в деревнях и сёлах Башкирии в разные исторические периоды.

И конечно, самое ценное в этих повествованиях — рельефно, подробно и с любовью выписанные образы главных героинь — женщин, выстоявших в эти трагические времена, происходившие в XX веке. Выстоявших и сохранивших свои семьи, вырастивших детей, потому как они с рождения впитали в себя все нравственные устои мусульман, чтившие наставления родителей и веры без всякого фанатизма, так как это была глубоко укоренившаяся убежденность, которую не могли поколебать никакие перипетии истории, времени.

Роман называется «Белые степи». Белые степи, как образ некоего подобия рая. Главная героиня, Зухра, ещё девочкой рассказывает своим друзьям об этом так: *«...неведомо где, неведомо, в какой стороне, и неведомо, как далеко, есть на земле место в Белых степях, где живут только счастливые люди. Там не нужно работать, как здесь, от зари дотемна, не надо заботиться о хлебе, о тёплом ночлеге, там всё есть, и люди там живут счастливые. Там не бывает войн, вражды и ссор. А место называется белым потому, что белый цвет — это цвет чистоты, и люди там живут тоже белые, то есть светлые»*. И через всю жизнь героиня романа проходит эта идея — быть на светлой стороне, поступать так, как поступали бы в Белой степи, и желать жизни на этой светлой стороне, в Белых степях...

Созданное автором художественное полотно, надеюсь, станет отдушиной и отрадой для ценителей словесности и простых читателей, а также поможет найти для себя важные фундаментальные ценности в наши дни.

*Валерий Михайловский, писатель, лауреат Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, обладатель медали АСПУР «За служение литературе», член Союза писателей России и Русского Географического Общества*

*Взрастившей меня земле Башкортостана,  
воспитавшей семье,  
бабушкам, дедушкам, матери,  
любимой жене Рагизе и  
95-летию отца — Нурислама Шайхулова  
посвящаю...*



# Часть I

## СВЕТ И СУМЕРКИ ВЕКА

Все мое творчество  
сводится к одному —  
напоминать людям,  
что они родились  
не сегодня...

*Мустай Карим*

**В** тот день, когда за окном затихли февральские бураны, когда в синем бездонном небе уже ярко светило весеннее солнце, к обеду размягчая толстый и жесткий наст, в доме неожиданно появился гость. Он вошел, неуверенно озираясь, хромоногое перевалившись через порог, стоял с таким видом, как будто уже виноват перед хозяевами за свой неожиданный визит.

— Здесь живет Зухра? — спросил он, слепо щурясь.

После яркого солнца его глаза долго привыкали к домашнему полумраку, и это еще больше придавало его согбенному виду отчаяния и неуверенности.

Зухра же сидела, уютно пристроившись за прялкой во второй половине дома, на своем привычном месте у окна, в который лился щедрый поток серебристых лучей. Её тень, закрывая тени от черемух за окном, срастаясь с ними, тянулась по полу и, повторяя движения женских рук, неторопливо покачивалась на тканых из кусочков тряпок половиках.

Слева от прялки расстеленная на газете кучка белоснежной, очищенной и взбитой шерсти. В ее правой руке жужжащее и танцующее в воздухе и на дощатом полу веретено. Левая рука тянет и крутит шерстяную нить.

— Что, меня спрашивают? — вскинулась она, недовольно останавливая хорошо отлаженную работу. Бывает так, что пряжа идет плохо, часто рвется, веретено обессиленно валится набок, а сегодня с утра работа шла споро и ладно. Уже не один клубок туго и ровно скрученной пряжи смотан с вере-

тена и пристроен в картонную засаленную коробку. Направляясь к входной двери, она отряхнула с подола шерстяную пыль и волосинки. «Кого черти принесли, никого и не ждала...» — думала она, увидев незнакомый черный силуэт, топчущийся у двери.

— Зухра, ты?.. — хрипло и еле слышно выдавил незнакомец.

— Да, я, а ты-то кем будешь? — Она цепким и строгим взглядом рассматривала пришельца: черное морщинистое лицо, шрам возле левого глаза, несколько его скосивший, выдающиеся острые скулы и острый подбородок, жидковатые усы под крючковатым носом. — Что-то не признаю тебя?

— Это я, Ахат... Здравствуй...

— Ахат? Ты-ы... Ты живой? — Вздрогнув от неожиданности, узнав гостя и не зная, что делать, она затопталась на месте, двинулась было к нему, но остановилась, потом неуверенно протянула руку.

— Зухра, я давно искал тебя... — бережно и с опаской взял ее мягкую и теплую ладонь в свои, шершавые и мозолистые, часто моргая, прослезился гость.

Домашние — сын Зухры, сноха — удивленно смотрели на них. Дети, ее внучки и внук с любопытством разглядывали из-за двери незнакомца — все в нем было непривычным для них — длинный до пят неуклюже и жестко топорщившийся коричневый с залысинами тулуп, шапка — то ли треух, то ли папаха.

— Это мой односельчанин из Мырзакая, сосед Ахат... Ахаат, ты все-таки живой, как я рада, а... а может, и Шакир?

— Нет, Зухра, погиб он... Сам хоронил...

Сноха Салима тут же собрала на стол. Гость же неуклюже разделся, долго разматывал непонятного цвета портянки, повесил их на свои бесформенные серые валенки. Затем вытащил из дорожной котомки черный бугристый каравай хлеба, большой сверток сырых семечек. Зухра с дрожью в руках бережно взяла в руки этот хлеб, понюхала, прослезилась:

— Это наш, степной домашний хлеб... — Осторожно отщипнула кусочек и, как некое драгоценное яство, с удовольствием, неторопливо, как будто прислушиваясь к вкусу, стала его разжевывать.

За обедом пришедшая в себя Зухра и Ахат, вспоминая детство, то до слез смеялись, то грустно затихали.

— Все наше детство прошло вместе в селе Мырзакай, — обращаясь к домашним, начала Зухра, — слева Ахат, справа Шакир. Вместе играли у Мендыма — речки нашей родной, вместе выполняли привычную домашнюю работу. Дома-то наши отделяли всего лишь плетни. Тогда все соседские дворы были на виду, не то что сейчас, когда стали строить дома, как у русских — двор, что крепость, стали закрывать от соседей. А тогда из крыльца своего дома было видно, что творится во дворе соседа. Перемахнул через плетень, и ты уже у соседей. Поэтому и жили дружно, все же на виду, ничего не скроешь... Я ж у них командиршей была, они меня слушались. А помнишь?..

Тут Зухра расхохоталась, зажмуренные от смеха глаза выдавили слезы. Всем за столом уже было смешно от того, что так задорно и заразительно она смеется. Кое-как успокоившись, вытерла кончиком платочка слезы и, похохатывая, от этого прерываясь, пустилась в воспоминания.

— Весной мы втроем пасем гусей...

И сразу перед ее глазами возникли яркие картинки из детства, и она с присущим ей красноречием стала рассказывать об общих детских приключениях. О том, что весной, когда остатки весенних луж и вода в ямках от разлившейся реки пестры от головастиков, и среди пробившейся ярко-зеленой травы всюду цветут весенние первоцветы, гуси выводят цыплят, и их нужно пасти и стеречь от коршунов, которые так и норовят сцапать эти нежные щебечущие комочки. Вот они втроем и охраняют их — в руках длинные прутья, зорко выглядывая в синем небе очерчивающих плавные круги коршунов, важно вышагивают по весеннему полю.

И когда выводки с гусынями и настороженными, агрессивными в это время гусаками, наевшись, успокаивались, цыплята сбивались под крылья гусынь и дремали, дети тоже усаживались на сухом пригорке.

— Мне мой папа Гадыльша — известный в округе кураист и сочинитель байтов — рассказывал много сказок, я их все помнила наизусть, и мои друзья-соседи часто просили пересказать их.

— Кхе, кхе... — смущенно прокашлявшись, скрипучим голосом вставил Ахат, — славно она эти сказки рассказывала, как актриса. Всем голосам героев подражала. Где надо — поет, где надо — шепотом, а потом как закричит страшным голосом, пугая нас!

— Тогда Ахат, — озорно поглядывая на гостя, продолжила Зухра, — был поздоровее и сильнее Шакира, но немного из-за своей полноты был тяжелым и неуклюжим. Да не смущайся ты, Ахат! Шакир же был худым, но жилистее и ловчее Ахата. Вот и в этот раз Ахат плюхнулся на живот и замер, Шакир же все крутился, то так сядет, то по-другому приляжет...

И вдруг на самом интересном месте сказки их перепугал встревоженный гогот гусей, аж задремавший Ахат испуганно неожиданно легко подскочил. Они упустили момент атаки коршуна, но бдительный гусак вступил с ним в единоборство: шипя и широко расставив крылья, он грозно надвигался на коршуна, который успел схватить цыпленка клювом, но, видимо, гусак помешал ему с ходу взлететь. Втроем пустились к ним на помощь. Растерянный Ахат все прыгал вокруг гуся и коршуна, не зная, что делать, а Шакир с ходу стал хлестать хищника своим прутом. Еще раз увидев перед глазами эту «битву», Зухра опять залилась смехом, Ахат же попытался оправдаться: «Да не растерялся я, не испугался, просто Шакир шустрее был...».

— Коршун тоже, как Ахат, растерялся, сбросил с клюва цыпленка и, кое-как оторвавшись от гусака и Шакира, разбежался и взлетел. Теперь гусак переключился на нас, я пыталась взять в руки уже бездыханного цыпленка, видимо, клювом коршун повредил ему шею, а гусак — на меня, Шакир — на гусака, Ахат прыгает вокруг нас. Гусыни и все стайки на поле подняли гвалт! Тут гусак переключился на Ахата, Ахат от неожиданности споткнулся и упал, гусак на него верхом, щиплет его мягкий зад, тот кричит.

— Да уж! Досталось мне тогда от гусака. На следующий день вся задница была в багровых синяках. Еле живой ходил, сидеть долго не мог, кхе-кхе-кхе!

— Кое-как Шакир согнал гусака с Ахата. Пока они воевали с гусаком, я отбежала подальше. Примчались и обкусанные гусаком ребята. Что делать? Нам же теперь достанется от родителей, гуси-то наши были. И мы, оставив Ахата на карауле, спустились к берегу речки. Там выкопали палкой ямку, за-

стелили дно травкой. Потом в шутку, как взрослые, прочитали подобие молитвы и «похоронили» погибшего... Позже часто смеялись у этого места, мол, цыплячье кладбище...

...Домашние уже давно разошлись по своим делам. Глава семьи Ислам вышел во двор по весенним хозяйственным заботам. Хозяйка присела за шитье. Внучки, сопя и грызя кончики карандашей, стуча стальными перьями о дно чернильниц, зашелестев учебниками, засели за уроки.

А Зухра с Ахатом, не раз обновив самовар, все говорили и говорили. Он — мало и отрывисто, лишь подтверждая или отрицая многочисленные вопросы Зухры об односельчанах. Она вся воспряла, ее белое, начинающее морщиниться лицо порозовело, голубые глаза задорно искрились. Ей казалось, что перед ней не кухонный стол, застеленный клетчатой клеенкой с цветными пятнами отпечатков от фантиков, а ровная степь с родными улочками. И она в воображении то приближала к себе нужный дом, то отдаляла, переходила к другому. Между домами сновали люди: ее родные, соседи и знакомые. Она вся была в этом мире.

Постепенно звонкий голос Зухры поутих, и домашние слышали лишь бубнящий монолог гостя, изредка перебиваемый ее недовольными возгласами, и вдруг сладко уснувший под монотонный говор самый младший в доме внук дернулся то ли от вскрика, то ли от визгливого воя Зухры, проснулся и в голос заплакал. Все вскинулись и замерли.

— Эй, кәһәр һуккыр! Дәмәккер! (Будь ты проклят!) Вон из моего дома, — задыхаясь, отрывисто почти визжала Зухра, — вон! Как ты посмел прийти с этим в мой дом, вон!

И она, спотыкаясь, чуть не падая, ввалилась в комнату с детьми, причитая, дергано закружилась, то порывисто шла в сторону гостя, то резко назад.

Гость же, окончательно растерявшись, молча посидел, еще больше почернел, глаза затравленно забегали, он затрясся, еще больше хромая, заковылял к валенкам. Кое-как обвязав портянки, влез в валенки, нахлобучил тулуп и, не прощаясь, вывалился, чуть не сбив с ног хозяина, спешащего на шум в доме.

— Да будь ты проклят! — Отчаянный выкрик Зухры с жаром, как ядро из пушки после взрыва пороха, выкинутый ее нутром вслед Ахату, эхом отозвался в пустом чулане и вытолкнул его из дома.